

БРЭМ СТОКЕР

ЗМЕИНЫЙ ПЕРЕВАЛ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
С81

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *Е. Ильиной*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Стокер, Брэм.

С81 Змеиный перевал : [роман] / Брэм Стокер ;
[перевод с английского Е. Ильиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-157725-4

Спасаясь от внезапно разразившейся бури, молодой путеше-
ственник Артур Северн находит приют под крышей таверны
в маленьком ирландском городке. Услышав легенду о древнем
сокровище, спрятанном где-то в этих краях, Артур решает нена-
долго задержаться и осмотреть окрестности. Но оказывается, не
он один верит в историю о кладе. Черный Мердок, безжалостный
делец и ростовщик, твердо намерен сам отыскать сокровище. И он
не потерпит конкурентов...

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-157725-4

© Перевод. Е. Ильина, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

ВНЕЗАПНАЯ БУРЯ

Долина, что пролежала между двумя огромными серо-зелеными горами, на каменистой поверхности которых кое-где проглядывали пучки изумрудной зелени, тянулась на запад, до самого моря, и больше походила на ущелье. Здесь хватило места лишь для дороги, наполовину вырубленной в скале, рядом с которой виднелась узкая полоска темного озера непостижимой глубины, окаймленного мрачными отвесными скалами. По мере того как долина расширялась, дорога резко уходила вниз, а озеро превращалось в бурлящий, покрытый шапками пены поток, изменяющийся образовавшиеся в почве углубления в небольшие заводи и крошечные озерца. Из почти первобытного запустения широких, похожих на террасы выступов время от времени возникали проблески цивилизации. Сквозь заросли деревьев проглядывали домики, неровные клочки огородов, обнесенных каменными стенами, и сложенные штабелями пласты черного торфа, предназначенного для обогрева помещений зимой. А дальше простирался океан — величественная Атлантика — с неровной береговой линией, усеянной мириадами теснящихся друг к другу каменистых

островков. Бездонная темно-синяя гладь тянулась до самого горизонта, где превращалась в еле различимую белую линию. А здесь, у берега, видневшегося сквозь разрывы скал, увенчанные белыми шапками пены волны с силой разбивались о камни или накатывали на песчаный пляж, полностью скрывая его под толщей воды.

Настоящим открытием стало для меня небо, которое почти полностью стерло из моей памяти воспоминания о красоте других небес, несмотря на то что я недавно прибыл с юга и до сих пор не отошел от волшебства итальянских ночей, когда звучащая под облаками трель соловья так тесно переплеталась с завораживающей синевой, что звук и цвет словно становились различными проявлениями одного общего чувства.

Вся его западная часть представляла собой великолепное смешение цветов: лилового, зеленовато-желтого и золотистого. Огромные грозовые тучи росли и теснились друг к другу, обременяя небеса непосильной ношей. Темно-фиолетовые облака, почти черные к центру, в золотистом обрамлении соседствовали со своими перистыми сородичами, бледно-желтый оттенок которых постепенно сменялся шафрановым и огненно-алым, словно они ловили отблески приближающегося заката и окрашивали его свечением небо на востоке.

Еще ни разу в жизни я не видел ничего столь же прекрасного. Я настолько привык к спокойной пасторальной красоте сельской местности на юге Англии, где располагалось окруженное лесом поместье моей двоюродной бабушки и куда я наезжал время от времени, что открывшееся взору зрелище тотчас же завладело моими мыслями и воображением. Ведь даже

во время недавно завершившегося полугодового путешествия по Европе мне не доводилось видеть ничего подобного.

Земля, вода и воздух являли собой торжество природы, воспевая ее необузданное величие и красоту. Воздух был совершенно недвижим, и в нем чувствовалось нечто зловещее. Вселявшую ощущение гнетущего одиночества тишину нарушал лишь грохот далекого прибоя, когда громадные волны великой Атлантики разбивались о прибрежные скалы, до отказа заполняя водой образовавшиеся в них пустоты.

Даже мой возница Энди умолк, с благоговением вслушиваясь в эти звуки. До сих пор на протяжении почти сорока миль пути он говорил не переставая: делился собственным опытом, излагал взгляды на жизнь и высказывал мнение по тому или иному вопросу, в своей бесхитростной манере таким образом знакомя меня со здешними местами и населением. Его рассказ изобиловал именами, историями жизни и любви местных жителей с их страхами и надеждами. Словом, старался посвятить меня во все мелочи и подробности, из которых состоит повседневная жизнь простых селян.

Ни один цирюльник — ведь представителям этого ремесла молва зачастую приписывает склонность к чрезмерной болтливости — не смог бы потягаться в словоохотливости с ирландским кучером, которого Господь наградил даром речи. Его способностям поистине не было предела, ибо любое, даже малейшее изменение ландшафта тотчас же подкидывало ему новую тему для обсуждения и открывало простор для пространных рассуждений.

Меня несказанно порадовало, что возница наконец-то умолк, поскольку хотелось не только упивать-

ся открывшейся столь новой и величественной красотой, но и в полной мере понять ту глубокую мысль, что она пробудила в моей душе. Возможно, дело было в красоте и величии пейзажа, а может, виной всему стал гром, раскаты которого нарушили тишину того июльского вечера, но я испытывал какое-то странное восторженное возбуждение и в то же время был поражен внезапно охватившим меня новым ощущением реальности происходящего. Мне даже показалось, будто посредством этой долины с грохочущей в отдалении могучей Атлантикой и громогрящими над головой грозowymi тучами я оказался в новом, гораздо более реальном мире.

В последние несколько дней я словно пробудился после долгого сна. Зарубежное турне постепенно рассеяло мои прежние вялые идеи и в какой-то степени помогло побороть те негативные силы, что управляли доселе моей жизнью. И вот теперь этот блистательный всплеск необузданной красоты, это величие природы во всей его полноте окончательно развеяли остатки сна, и я почувствовал себя так, словно впервые взглянул широко раскрытыми глазами на истинную красоту реального мира.

До сих пор моя жизнь текла по инерции, и я во многих отношениях был моложе своих сверстников и совершенно не разбирался в реалиях окружающего мира. Я лишь недавно вырос из детских штанишек, но перенес во взрослую жизнь юношеские взгляды и убеждения, и поэтому чувствовал себя не слишком уютно в своем новом положении.

Впервые в жизни у меня выдались каникулы — настоящие каникулы в понимании того, кто волен по собственному разумению выбирать себе развлечения.

Воспитывался я в чрезвычайно спокойной обстановке в доме старого священника и его жены на запа-

де Англии. У меня почти не было приятелей, если не считать другого ученика, всегда только одного. Меня вообще окружало очень мало людей. Судьба уготовила мне участь подопечного двоюродной бабушки — богатой, эксцентричной и весьма несговорчивой особы. Когда мои родители пропали в море, оставив меня, своего единственного ребенка, без средств к существованию, бабушка вызвалась оплатить мое обучение и обеспечить меня профессией, если я проявлю к таковой достаточные способности. Родственники прекратили с моим отцом всякое общение из-за его неудачной женитьбы: сочли его избранницу ему не ровней, и, как я слышал, молодой семье пришлось несладко. Я был совсем крохой, когда они сгинули в тумане где-то в Ла-Манше, и пустота, образовавшаяся в моей душе после их утраты, сделала меня скучным и нелюдимым. Поскольку я не доставлял хлопот и не выказывал недовольства своим положением, двоюродная бабушка считала, что живется мне очень даже неплохо.

Шли годы, поддерживать статус ученика становилось все сложнее, и старого священника стали все чаще называть моим опекуном, а не учителем. Вот так и случилось, что годы, которые молодые люди более высокого положения проводят в колледже, я прожил рядом с ним. Формальная смена статуса почти ничего не изменила в моей жизни, разве что со временем добавилось обучение верховой езде и стрельбе, а также основам знаний, необходимых сельскому сквайру. Осмелюсь предположить, что у моего наставника имелась некая договоренность с бабушкой, но он никогда не давал ни малейшего намека на ее чувства ко мне. Каждый год часть каникул я проводил в ее чудесном загородном поместье. Пожилая

родственница неизменно демонстрировала суровую непреклонность и безупречность манер, в то время как слуги относились ко мне с любовью и уважением. У бабушки частенько гостили мои многочисленные кузены и кузины, но ни один из них не испытывал ко мне сердечной привязанности. Возможно, виной всему была моя застенчивость, но в их присутствии я неизменно чувствовал себя чужаком.

Теперь-то я понимаю, что причиной такого отношения ко мне была их подозрительность, поскольку на смертном одре старая леди, столь сурово обходившаяся со мной на протяжении всей моей жизни, призвала меня к себе и, крепко сжав мою руку, с трудом произнесла в перерывах между натужными вздохами: «Артур, надеюсь, я не совершила ошибки, своим воспитанием показав тебе мир со всех сторон. Я знаю, мой дорогой мальчик, что твоя юность не была счастливой, но это оттого, что я всего лишь желала тебе благополучной и счастливой зрелости, хотя любила твоего отца как собственного сына, но, к несчастью, оттолкнула от себя и слишком поздно осознала свою ошибку».

Больше она не сказала ни слова: лишь закрыла глаза, но руку мою не выпускала. Я не отнимал ее из страха потревожить бабушку, но некоторое время спустя ее пальцы сами собой расслабились, и я понял, что она отошла в мир иной.

Прежде я никогда не видал покойников, и уж точно никто не умирал у меня на руках, посему данное событие произвело на меня неизгладимое впечатление. Но сознание юных обладает завидной гибкостью, к тому же с почившей дамой нас связывали не самые сердечные отношения.

Когда огласили завещание, выяснилось, что я стал наследником всего ее состояния, что возводило меня

в ранг одного из самых богатых людей графства. Свое новое положение в силу природной застенчивости я принял не сразу, поэтому решил провести несколько месяцев в путешествии по Европе. По возвращении из турне, продлившегося шесть месяцев, я с радостью принял радушное приглашение приобретенных в путешествии друзей посетить их поместье в графстве Клэр.

Поскольку я мог делать все, что заблагорассудится, мне в голову пришла идея провести пару недель в путешествии по западным графствам. По дороге в Клэр я намеревался поближе познакомиться с природой и обычаями Ирландии.

К тому времени я уже начал понимать, что жизнь полна удовольствий. С каждым днем мир открывал мне что-то новое и увлекательное, и можно было сказать, что план моей двоюродной бабушки все же увенчался успехом.

Меня вдруг охватило ощущение назревающих внутри меня перемен. Осознание сего факта застигло меня совершенно случайно, с внезапностью первого луча рассвета, прорезающего утренний туман. Все это было для меня столь ново и примечательно, что хотелось в полной мере запечатлеть в памяти эти моменты, и я с жадностью впитывал малейшие детали окружавшего меня пейзажа, впервые подарившего столько открытий. Центральным образом стал купающийся в лучах солнца выступ, видневшийся справа от нас, и все мое внимание сосредоточилось именно на нем, когда меня вывело из размышлений замечание кучера, обращенное не конкретно ко мне, а словно бы куда-то во вселенную:

- Ух ты! Того и гляди накроет.
- Что накроет? — не понял я.

— Так шторм же! Вона, видали, как облака гро-
моздятся? Летят, аки утки заполошные.

Но я почти не слышал его слов, поскольку все мое внимание было поглощено разворачивавшейся перед моими глазами картиной. Мы быстро спускались в долину, и по мере приближения выступ принимал все более четкие очертания и теперь напоминал гору с округлой вершиной благородных пропорций.

— Скажи-ка, Энди, — обратился я к кучеру, — как называется вон та гора?

— Тама? Энто место кличут «Шлинанаяэр».

— Значит, гора называется «Шлинанаяэр»?

— Да не! Гору кличут «Нокколтекпор». Энто по-ирландски.

— И что это означает?

— Тю! Энто значит «Гора потерянной золотой короны».

— А тогда что такое «Шлинанаяэр»?

— Хм, энто что-то навроде бреши позади горы.

— Но что означает название? Оно ведь ирландское, верно?

— Правда ваша. По-ирландски это, стало быть, «Змеиный перевал».

— Вот как! А не знаешь ли ты, откуда пошло такое название?

— Скажу я вам, что энто место не зря так прозвали. Вот погодьте. Дайте тока добраться до Карнаклифа да встретить тама Джерри Сканлана или Барта Мойнахана. Энти двое знают уйму тутошних легенд да былей. А уж как начнут сказывать, так тока уши подставляй. Ух ты! Вот и началось!

И он оказался прав. Гроза накрыла долину, царившая вокруг тишина сменилась оглушительным ревом, а небо стало почти черным от туч. Внезапно дождь ли-

ванул с такой силой, словно где-то сверху прорвало огромную водосточную трубу, и я мгновенно промок насквозь, не спас даже макинтош. Наша кобыла сначала испугалась, но Энди удержал ее крепкой рукой и успокоил ласковым словом, и после первого удара грозы она потрусилась так же уверенно и быстро, как и прежде, лишь слегка вздрагивая от раскатов грома и вспышек молний.

Разгул стихии предстал перед моими глазами во всем своем богатстве и великолепии. Молнии растекались по небу переливающимися всполохами, прорезая тьму и расцветивая причудливыми пятнами света утопавшие в тени горы. Раскаты грома трещали, рокотали над нашими головами с ошеломляющей яростью, и сопровождавшее их эхо принималось скакать по склонам, отражаясь от каменистой поверхности, постепенно затихая вдали или растворяясь в царившем вокруг грохоте.

Мы неслись вперед сквозь непогоду, а шторм и не думал утихать. Энди был слишком поглощен своим делом, чтобы разговаривать, в то время как я пытался удержаться в угрожающе раскачивавшемся экипаже, не потерять шляпу и хоть немного защититься от проливного дождя. Возницу же, похоже, совершенно не волновал дискомфорт: он лишь поднял воротник куртки и вскоре блестел от воды так же, как мой водонепроницаемый макинтош. Словом, выглядели мы совершенно одинаково с той лишь разницей, что я, как мог, пытался укрыться от хлестких водяных струй, в то время как возница, явно ко всему привыкший, совершенно не обращал на них внимания и не проявлял ни малейшего беспокойства.

Спустя некоторое время, когда мы наконец выехали на относительно прямую и ровную дорогу, он повернулся ко мне и произнес:

— Негоже нам ехать так до самого Карнаклифа. Одному Господу ведомо, сколь еще будет бушевать непогода. Уж больно хорошо знаю я энти горы с их северными ветрами. Мож, будет лучше, ежели мы поищем какой кров?

— Разумеется! Не мешкай же! Куда направимся?

— Есть тут неподалеку одно местечко — питейное заведение вдовушки Келлиган на пересечении дорог в Гленнашауглин. Вполне себе сносное. Н... но, старушка! Вези-ка нас поживей к вдовушке Келлиган!

Кобыла, словно понимала своего хозяина и разделяла его желания, с удвоенной силой припустила по проселочной дороге. Спустя несколько минут мы достигли перекрестка и так называемого питейного заведения вдовы Келлиган — выкрашенного белой краской приземистого строения под соломенной крышей, примостившегося в глубокой низине меж двух холмов, возвышавшихся к юго-западу от перекрестка. Спрыгнув с козел, Энди поспешил к дому, и, когда я появился в дверях, объявил:

— У меня тут благородный жинтман, вдовушка. Надобно оказать ему теплый прием.

Не успел я закрыть за собой дверь, как Энди принялся распрягать лошадь, чтобы отвести ее в некое подобие конюшни, пристроенной к дому со стороны высокого холма. Внезапно разразившаяся буря собрала под гостеприимным кровом вдовы Келлиган немало путников. В камине жарко горел торф, а вокруг сидели, стояли и лежали постояльцы, не меньше дюжины, от мокрой одежды которых исходил пар. Помещение оказалось довольно просторным, так что всем присутствующим нашлось местечко возле камина. Потолок с торчащими тут и там пучками соломы почернел от копоти, а на стропилах

под крышей устроились петухи и куры. На крюке над огнем висел огромный котел, и в воздухе витали острые и невероятно аппетитные ароматы жареной сельди и пунша.

Едва я появился на пороге, все тотчас же ринулись навстречу с возгласами приветствия, и для меня тут же нашлось самое удобное место возле очага, что пришлось весьма кстати. Я чувствовал себя крайне неловко, поэтому, как мог, пытался выразить свою благодарность за кров и радушный прием. Как раз в этот момент дверь черного хода отворилась, и на пороге появился Энди, провозгласив:

— Храни вас всех Господь!

Судя по гулу, которым его встретили, он был здесь весьма популярной личностью. Энди тотчас же устроился возле очага с большой кружкой пунша — точно такой же, что вручили и мне, — и сделал большой жадный глоток. Я последовал его примеру и получил от этого не меньшее удовольствие, чем мой кучер, который уже всю балагурил в своей привычной манере с хозяйкой:

— Да мы, как я погляжу, как раз вовремя. Готова ли твоя селедка? Да, поди, еще и с картоплей, коли нух меня не подводит. Вот уж свезло, так свезло. Наедемся картопли, а будто селедки отведали.

— Почему это? — не понял я.

— Уж больно много тут народу, на всех селедки не хватит, вот вдовушка и обложила рыбу картоплей, чтоб духом напитать.

Начались приготовления к ужину. Большую корзину — вместимостью никак не меньше двухсот фунтов — перевернули вверх дном, водрузили на нее снятый с огня котел с картошкой, по обе стороны от котла насыпали по горсти крупной соли, и каждый

получил по небольшому куску разделанной сельди. Вот и весь ужин.

Не было ни тарелок, ни вилок, ни ложек, ни ножей — обходились без церемоний. За импровизированным столом все были равны, не проявляли ни жадности, ни зависти. Еще никогда в жизни я не принимал участия в столь теплом и дружеском застолье, и даже такая простая еда показалась мне невероятно вкусной. Все было просто чудесно. Мы брали горячие, идеально пропеченные картофелины, очищали, обжигая пальцы, а потом макали в соль и ели так досыта.

Во время трапезы наша компания пополнилась еще несколькими путниками. От них мы узнали, что гроза и не думает заканчиваться. Впрочем, это было понятно и без слов: яростный стук дождя и завывание ветра, злобно набрасывавшегося на стены таверны, говорили сами за себя.

Когда ужин закончился и хозяйка убрала корзину, все вновь собрались возле очага, где уже ждал огромный кувшин с горячим пуншем. Мужчины закурили трубки и завели неспешный разговор. Мне, как человеку в этих краях новому, конечно же, досталась изрядная доля внимания.

Энди всячески старался меня развлечь, а его сделанное по моей просьбе заявление о том, что я хотел бы угостить всех присутствующих пуншем, придало ему популярности и помогло мне стать почти своим в этой компании. Исчерпав запас тем, породивших многочисленные шутки и анекдоты, Энди заметил:

— Его светлость интересовались аккурат перед грозой, почему Шлинанаэр так зовется. Я и ответил, что никто не обскажет ему об этом так славно, как Джерри Сканлан или Барт Мойнахан. Ну а коли

уж оба тута, поведайте-ка, парни, нашему славному жинтману, что знаете про гору.

— Да с превеликим удовольствием, — отозвался Джерри Сканлан, высокий мужчина средних лет с узким, длинным, чисто выбритым лицом и смеющимися глазами. Кончики воротника его рубашки торчали так, что почти доставали до щек, в то время как задняя его часть пряталась под воротом бобриковой куртки. — Обскажу все, что слышал. Все лягенды, да гиштории, коих немало. Эй, мамаша Келлиган, а ну-ка наполни мою кружку до краев, бо негоже сказывать на сухое горло. Вот скажите-ка мне, сэр, разливают такой пунш в парламенте тем, кто тама речь держит?

Я покачал головой.

— Вот те на! Что ж, не видать им меня в парламенте, покуда тама такие порядки. Благодарствую, мамаша Келлиган. Уважила так уважила. А таперича слушайте лягенду об Шлинаанаэре...